

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Возможно, Минлань сама не до конца понимала то, сколько странных особенностей за ней водилось.

Я хорошо помню тот пир, который проходил в особняке хоу Сянъяня. Она болтала с прочими девушками, её окружала аура доброты, вежливости и смиренности, но внезапно откуда-то прилетела пчела и принялась кружить у них над головами. Все девушки испуганно закричали и принялись испуганно отмахиваться от неё носовыми платками. Поначалу Минлань с интересом наблюдала за их действиями, но затем она осознала, что все девушки вокруг неё паникуют, тут же изменилась в лице и с испуганным видом принялась повторять за ними.

То, как она кричала и отмахивалась от пчелы, создавало впечатление, будто она действительно была напугана. Но я наблюдал за ней внимательно, прищурившись, и я знал, что она притворялась. Среди девушек были и те, кто не боялся пчёл. Они спокойно стояли рядом или молча отходили чуть в сторону, но Минлань была единственной, кто решил притвориться испуганной. Казалось, будто бы она боится выделяться из толпы и потому прилагает все усилия, чтобы быть как все.

Когда спектакль начался, и актёры уже вышли на сцену, я втайне последовал за ней, ибо хотел расспросить её кое о чём в укромном месте. Однако в итоге я сумел увидеть куда более интересное представление. Дражайший сынок моего кузена, сокровище семьи Гун Ци, мечта тысяч столичных девушек, держал Минлань за руку и признавался ей в том, как сильно он её любит.

Молодой наследник благородной семьи, очаровательный и красноречивый, для большинства девушек был подобен смертельной ловушке. Окажись на её месте любая другая девушка, и она наверняка сразу же призналась бы ему в своих чувствах. Конечно, иногда встречались и те, кто в такой ситуации притворялись злыми и недовольными, однако Минлань не относилась ни к одной из этих категорий. Её первой и единственной реакцией был страх того, что Ци Хен опорочит её имя. Она угрожала ему, она умоляла его, она всеми силами пыталась отговорить его публично оглашать свои чувства к ней. После этого Ци Хену не оставалось ничего иного, кроме как позорно уйти прочь.

Она постоянно подвергала всё вокруг сомнению. Из-за этого она напоминала мне настороженную белку, стоящую на страже своих запасов и готовую в любой момент отбиваться от нападков.

Позже я узнал, что она была дочерью наложницы.

Когда я внезапно появился перед ней и спросил её о Маньнян, она была ошеломлена, но затем она сказала мне правду.

Не могу не восхититься её воспитанием, она отвечала на мои вопросы ясно и точно, без малейшего следа смущения, свойственного другим девушкам. И в тот момент она казалась мне совершенно другим человеком по сравнению с той самолюбивой, но трусливой девушкой, которая лишь недавно давала отпор Ци Хену. Она не только смогла сгладить ситуацию, сложившуюся с девушкой из семьи Ю, но ещё и ухитрилась успокоить меня.

Она показалась мне... храброй.

И это был первый раз, когда у меня закрались сомнения о том, что Маньнян была не столь невинной, как я считал до этого.

В следующий раз я повстречался с ней в саду храма Гуанцзи. Я увидел, как она метнула ком грязи в свою сестру. Это был хороший, бескомпромиссный удар, попавший точно в цель. Я видел как она, уперев руки в бока, пыталась доказать свою правоту. Если честно, тогда мне с трудом удалось сдержаться и не издать ни звука. Я был удивлён и очарован ею.

Моё мрачное настроение, оставшееся после драки Маньнян и Яньхун, бесследно улетучилось. Однако она не собиралась давать мне наслаждаться моментом. Это едва ли не вывело меня из себя, и я поспешно ушёл оттуда.

Тогда я понял, что эта девчонка, определённо из того типа людей, которые могут накаркать — и в последствии всё то, о чём она говорила, сбывалось.

Вскоре после этого я покинул родной город. Через некоторое время умер мой отец, а затем неожиданно умерла и Яньхун. К тому времени я настолько устал слушать оправдания Маньнян, что решил жить жизнью одинокого бродяги. С тех пор я повстречал множество людей. Некоторые из них были торговцами, некоторые мечниками, я встречал даже неудачливых принцев, с которыми несправедливо обошлись их семьи. Ко мне относились надменно и пренебрежительно, на меня частенько нападали. За это время я увидел и успел почувствовать всё непостоянство человеческой природы, и мира, в котором мы живём.

Когда я падал, некому было подать мне руку, я мог рассчитывать только на себя.

Я отправил первые же заработанные деньги Маньнян, жившей в тот момент в столице. Я желал хоть как-то исправить совершённую мною ошибку. Я хотел, чтобы Маньнян и мои дети жили достойно, но я всё ещё не желал больше видеть её. Когда я узнавал о её грязных уловках, по моей спине пробегал холодок. Я знал, что она и мой сын разыскивают меня, но это лишь пугало меня.

Я чувствовал, что становлюсь старше, что от богатенького сынка, которым я когда-то был, не осталось и следа. Однако, как бы странно это не звучало, изредка мне всё ещё снилась та

маленькая девочка, бросавшаяся грязью в свою сестру.

Затем случилось восстание, буквально перевернувшее столицу вверх тормашками. Я помогал восьмому принцу узнавать о происходящем в столице, но я совершенно не ожидал, что в процессе наткнулся на Юань Веньшао. Он всегда был хорошим человеком, то, что я выглядел как оборванец, совершенно не оттолкнуло его. Напротив, он даже пригласил меня на празднование месяца со дня рождения его ребёнка.

Затем меня настигло осознание. Жена Юань Веньшао ведь тоже происходила из семьи Шэн, верно?

Я длительное время выжидал во дворе перед залом, в котором проходил пир. И моё ожидание было не напрасным. Обернувшись, я увидел её. За прошедшие несколько лет та, бросавшаяся грязью маленькая девочка, превратилась в прекрасную девушку.

Двор был окрашен яркими весенними цветами, но ничто не могло затмить красоту девушки, стоявшей под яблоневым деревом. Отвести от неё взгляд стоило для меня немалых усилий, но, не удержавшись, я подошёл и заговорил с ней. В тот момент я удивлялся прозорливости Ци Хена. Должно быть, он сумел заметить её красоту тогда, когда она только зарождалась.

К несчастью, она явно не желала проводить время в моём обществе, поэтому она просто кивала на всё, что я говорил. Когда я упомянул смерть отца, она выразила сочувствие и искренне попыталась успокоить меня. Когда я говорил о моей вине перед министром Ю, и о желании загладить эту вину, она выразила понимание и восхитилась моим стремлением. А, когда я сказал ей, что готов помочь ей в любое время, она притворилась благодарной, но в её больших глазах виднелось явное недоверие.

Мне казалось, что ещё немного, и она насмешливо похлопает в ответ на мои слова.

От этого мне стало только хуже.

Под конец я дал ей пару наставлений на правах старшего. Затем я повернулся и ушёл, твёрдой и уверенной походкой.

Ци Хен был прав. Она была маленькой, хитрой лгуньей. Я быстро осознал это, однако... Я всё равно не сумел удержаться и, обернувшись, украдкой взглянул на неё. Что ж, в наши дни, кажется, у каждого лжеца обязательно будет очаровательное личико.

Затем, позже, эта маленькая лгунья столкнулась с пиратами.

Когда я вытащил её из воды, она дрожала от холода и тяжело дышала, беспрестанно озираясь вокруг. Но, когда она, наконец, узнала меня среди всех прочих людей на лодке, она улыбнулась мне. В тот момент я почувствовал, как моё сердце наполняется теплом.

Тогда, на реке, освещённой лунным светом, и обдуваемой холодным ночным ветром, её глаза были единственной яркой вещью, разгонявшей для меня темноту. В тот момент я подумал, что, быть может, я уже никогда больше не сумею увидеть более прекрасных глаз.

...А затем она попросила меня спасти её служанок. Тогда я вздохнул и закрыл глаза.

Я знал, что она не будет относиться ко мне так мило без причины. Эти сладкие речи неизбежно должны были смениться просьбами. И, пускай я и смерил её суровым взглядом, я всё равно не сумел сдержать ухмылки. Тогда я решил, что, должно быть, заболел. Как я мог чувствовать себя таким счастливым, когда мною командовали?

В итоге я каким-то чудом действительно сумел спасти всех её служанок. Но до того как я успел отчитаться ей о своих достижениях, я услышал через дверь как она говорила обо мне гадости.

Что?! Она сказала, что может понять, почему люди из семьи Пен обманули меня. И затем она ещё и предложила, чтобы я просто женился на Маньян! Тогда я твёрдо ответил, что никогда больше не буду с Маньян. Она усмехнулась мне в лицо и закатила глаза. И это было ещё не всё. После этого она радостно окрестила меня «традиционным» человеком. Ну, конечно же, я был приверженцем традиций — я даже ни разу не прикоснулся к её волосам, не говоря уже о том, что я ни разу не был с женщиной с тех пор как узнал, что сотворила Маньян!

Тогда мне захотелось придушить её.

Но её шея, она была прекрасной, словно сахарный корень лотоса из Цзяннаня, который я часто ел в детстве. Я вспомнил его влажную текстуру и сладкий вкус и внезапно почувствовал, как мои губы пересохли, после чего быстро отогнал от себя мысль о том, чтобы придушить её.

Пока я витал в облаках, эта маленькая лгунья даже предположила, что со смертью Яньхун было не всё чисто. Кажется, нынешние лжецы ещё и не были обделены умом. И, пускай её догадка и не попала в цель, но она была очень близка к правде.

«Прекрасно, Гу Тинъе, ты против неё всё равно, что несмышленный пацан», — подумал я тогда и сказал ей что-то грубое, после чего с раздражённым видом вышел из комнаты.

После этого она отправилась на юг в Цзиньлин, а я на север, к столице. Я добрался до деревенского домика, в котором жил, расположенного в южном пригороде столицы. Там я первым делом помылся, пытаюсь смыть с себя всю усталость, накопленную за последние полгода. Когда я забрался в кровать, кормилица Чан, успевшая заметно постареть, подложила мне в кровать грелку. Слушая её болтовню с южным акцентом о разных незначительных мелочах, и видя, как искренне она заботится обо мне, я словно бы вернулся обратно в детство, в те времена, когда моя мать ещё была жива.

— ...Господин, вы выглядите таким уставшим. Вести дела за пределами столицы, должно быть, тяжело. Прошу, не уезжайте больше из дома. У меня ещё остались сбережения, вы можете

взять их, купить земли и жить спокойной жизнью, — приговаривала она с жалобным видом. Она всегда думала, что я действительно занимался делами, когда отсутствовал.

— Когда я закончу с делами в этот раз, думаю, я смогу осесть, — ответил я. После чего мысленно добавил: «Если не погибну на войне, конечно же».

На морщинистом лице кормилицы Чан отразилась злость.

— Это всё из-за тех бессердечных ублюдков! Вы же внук семьи Бай из Хайнина, как всё пришло к тому, что вам самому приходится зарабатывать себе на жизнь?! Я прекрасно помню горы золота и серебра, хранившиеся в сокровищнице нашей семьи, так что...

Она при каждом удобном случае вспоминала состояние семьи Бай. Но я, по большей части, уже относился к этому безразлично, поэтому я лишь мягко ответил ей:

— Не важно. Я смогу вернуть себе деньги. Я верну всё, что принадлежало мне.

Кормилица Чан удивлённо посмотрела на меня, после чего со вздохом ответила:

— Вы прямо как первая госпожа. Такой же грубый и упрямый. Никогда я не слышала, чтобы вы жаловались о ваших страданиях, вы всегда держите всё в себе. Ах, если бы она смогла выдержать немного больше, она наверняка бы...

— Хватит. Не надо, — резко перебил я её.

Кормилица Чан тихонько вздохнула и, понизив тон, продолжила:

— Когда вы наконец-то осядете здесь, вам нужно будет побыстрее найти себе жену. Заведёте много детей, и тогда я смогу рассказать первой госпоже хорошие новости, когда пойду в храм молиться.

— Но у меня уже есть двое детей, — улыбнувшись, ответил я.

— И что? — с недовольным видом ответила кормилица Чан. — Вам всё равно нужно жениться на достойной женщине. Та женщина не считается!

Внезапно меня посетила мысль.

— Кормилица, вы никогда не любили Маньян. Почему? — резко сев в постели, с сомнением спросил я её.

В те времена Маньнян всегда выглядела жалобно, так, что её хотелось пожалеть, и она не делала ничего плохого. Более того, она всегда была вежлива с кормилицей Чан. Как правило, Маньнян начинала плакать ещё до того, как собиралась что-то сказать, однако, почему-то кормилица Чан с самого начала недолюбливала её и, после того как я ушёл из дома, она даже переехала, чтобы избежать её постоянных визитов.

— Та женщина — настоящая катастрофа, — с поникшим видом ответила кормилица Чан. — Она хитрая, словно лиса. Если бы вы остались с ней, ваша жизнь оказалась бы разрушена. Хорошо, что вы уже знаете, что она из себя представляет! Ещё не поздно всё исправить!

— Но у вашего отношения должна же была быть какая-то причина? — вкрадчиво переспросил я.

Некоторое время кормилица Чан недовольно молчала.

— Я не знаю никакой великой истины, — всё-таки ответила она. — И мне никогда не давалась риторика. Но вот глаза меня ещё ни разу не подводили. Будь она хорошей женщиной, она не стала бы подбивать вас на те абсурдные вещи. Взгляните на себя. Взгляните, через что вам пришлось пройти после того как вы спутались с той женщиной! Это по её вине вы покинули поместье хоу и так долго скитались!

Я промолчал. Несмотря на то, что кормилица Чан не особо любила читать, она замечательно разбиралась в людях.

— Господин, когда вы найдёте себе жену, вам нельзя допустить, чтобы Маньнян всё испортила, — продолжила кормилица. — Она природённая актриса и прекрасно умеет притворяться. Вам нельзя допустить того, чтобы ваша будущая жена неправильно подумала о вас из-за этой женщины! Хотите знать, как безжалостна была эта женщина? Она бросила юную госпожу Жун в поместье сразу же после того как вы ушли! Юного господина Чана она потащила с собой, якобы искать вас. Видите, насколько она жестокая и целеустремлённая? Обычным женщинам не удастся справиться с ней!

— Я больше не позволю ей действовать безрассудно, — уверенно ответил я.

Услышав это, кормилица Чан радостно встала и принялась складывать мою одежду. Внезапно её посетила мысль. Повернувшись ко мне, она неуверенно спросила:

— Господин, неужели вы... уже влюблены в кого-то?

Я отвернулся и притворился, что сплю. В итоге она просто ушла из комнаты.

Я лежал на кровати в тишине. Несмотря на усталость, мой мозг продолжал лихорадочно соображать. Я принялся перечислять её недостатки.

Во-первых, она лгунья, двуличная и прекрасно умеющая притворяться. Во-вторых, она осмелилась бросить вызов речным пиратам, а значит, она безрассудна. И, наконец, она дочь наложницы, а я всегда хотел жениться на законной дочери из достойной семьи. Но самой ужасной вещью было то, что у неё совершенно не было вкуса на мужчин. Как она посмела воротить от меня нос...

Так, ладно, но как мне повернуть всё и жениться на ней? Я должен составить идеальный план.

И, когда я принялся размышлять об этом, я уже не осознавал того, что мой разум сбился с пути.

Комментарий к Глава 141: Побочная история Гу Тинье: Заметки о том, как я хотел жениться на лгунье.

Конец 3 тома.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1053873>